

УДК 801.001 (575.2) (04)

**ИЗУЧЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ,  
МНОЖЕСТВЕННОСТИ И ЧИСЛА  
В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

*О.Ю. Шубина* – доц.

---

The study of quantity, multiplicity, and number values in a semasiological aspect is shown in the article.

Язык как коммуникативное образование предназначен для выражения самых различных значений и смыслов. Поэтому любые исследования “внешней” формы языка в конечном счете направлены на изучение содержательной его стороны. “Внешняя” форма служит средством выражения определенной семантики, и в этом заключается функция “внешнего плана” языка.

Изучение содержательной стороны языка, направленное от формы языковых единиц к их функциям, традиционно именуется семасиологией [1]. В семасиологическом аспекте исследование количественной семантики “растворено” в описании лексико-грамматических и морфолого-синтаксических значений разных частей речи.

Как известно, в каждом языке есть целый класс слов – числительные, предназначенные для выражения различных значений количества, меры, обозначения числа и счета, кратности (повторяемости) и собирательности. Как пишет А.Е. Супрун, “в наиболее чистом виде понятие числа находит отражение в количественных числительных (два, три, пять и пр.), образующих стержень, вокруг которых группируются другие виды числительного, и обозначающих количество, число, т.е. отвлеченный результат счета, так как в понятии числа свойство совокупности состоит из того или иного числа единиц абстрагируется от кон-

кретных предметов, которые подвергаются счету. Исторически множество считаемых предметов или явлений соотносилось с некоторым фиксированным множеством–эталоном (например, с камешками, пальцами, словами)” [2]. В традиционной морфологии исследуются имеющиеся в данном классе слов разряды (порядковые, собирательные, разделительные, кратностные), их семантика и функции в контексте, показывающие своеобразие данной категории слов в семасиологическом аспекте. Но если в лексическом плане числительное может рассматриваться как языковая универсалия, то грамматические свойства его в различных языках неодинаковы. Кроме числительных, значение количества (числа), множественности выражается грамматическими формами имен существительных, местоимений, а также глаголов. Как указывает В.А. Виноградов, “грамматическое число – одно из проявлений более общей языковой категории наряду с лексическим проявлением, таким, как числительные или как количественные обозначения в других частях речи (ср.: сотня, единственный, много, полно и т.п.)” [3].

Наиболее простая и в то же время наиболее распространенная структура категории числа – это бинарная, образованная противопоставлением значений единичности и формы множественности, которые выражают различные значения. Так, единственному числу свой-

ственно три семантических типа: а) единичность – как основное значение; б) общность (например, собака – друг человека); в) внепарность по числу – только формы единственного числа для слов с вещественной и абстрактной семантикой (например, нефть, тепло и пр.). В сфере сингулярности выделяется также особая группа собирательных имен (сырье, тряпье, ученичество и т.п.). Множественному числу характерны пять семантических типов: а) как основное значение – дискретное множественное число, например, книги; б) собирательное множество – враги, друзья; в) дистрибутивное множество, “не локализованное в одном месте/времени”; г) репрезентативное множество; д) множественное число вежливости: “Вы” [3].

Как видим, функции и формы единственного и множественного числа различны, но соотносительны. Например, по словам Н.С. Валгиной, «в некоторых случаях наряду с формами множественного числа для выражения множественности могут использоваться и формы единственного числа. Ср.: “Изведаль враг тогда немало, что значит русский бой удалый”. А иногда форма множественного числа не указывает на множественность предметов, а вносит лишь оттенок собирательности: Ср.: *веселые времена*, *вологодские кружева* и пр. С другой стороны, форма множественного числа от некоторых сингулярных существительных становится возможной для обозначения “сортов”, “видов”, марок вещества, например: *технические масла*, *газированные воды* и пр.» [4].

По этому поводу В.В. Виноградов писал, что “формы числа выступают как способ грамматической дифференциации разных значений слов” (например, долг – долги) или “создают оттенки значений слова, однако не числового, а количественного или интенсивно-качественного характера (например, мозг – мозги, небо – небеса, излишек – излишки и пр.)” [5]. Иначе говоря, в смысловой структуре слова (существительного) различия грамматического числа связываются также и с лексико-семантическими различиями. Этому способствует тот факт, что сама грамматическая форма – это “соединение лексического значения (или ряда лексических значений) с целым комплексом таких значений” [6].

На неэлементарность грамматической семантики, наслаивающейся на лексическое значение слова, что в результате делает неочевидными “искомые” семантические признаки (компоненты, элементы), обращают внимание все грамматисты (в частности, при описании видовых значений глагола). “Категория глагольного вида, – пишет М.Я. Гловинская, – является труднейшей в русской грамматике... Трудности связаны с тем, что значение вида очень сложно сплетено со значением других категорий – лексических и грамматических” [7].

М.Я. Гловинская указывает, что семантика видового противопоставления у глаголов разных семантических групп лексики будет различной. И этим объясняется тот факт, что поведение видовых форм различных глагольных лексем (семантических разрядов) в одном и том же контексте различное. Она ссылается на высказывание Ю.С. Маслова о том, что “тип противопоставления парных глаголов зависит от особенностей лексического значения глаголов” (курсив наш – Ш.О.) [7]. Например, если глагол обозначает “законченное” действие, то он сочетается с предложным аккумулятивом временной семантики, т.е. именно с тем, который имеет значение законченности (Он *написал* эту статью *в один год*, *в два месяца*). Если же глагол имеет процессное значение (несов. длительный), то он сочетается с беспредложным аккумулятивом временной семантики (Он *писал* эту статью *год*). Выбор того или другого из обстоятельств времени диктуется семантическими требованиями [7]. Этим объясняется и тот факт, что формы несовершенного вида, являющиеся *смысловым аналогом совершенного вида* (настоящее историческое, многократное общефактическое), способны сочетаться с предложным аккумулятивом временной семантикой. Например: В этот день он *встает* раньше обычного, *завтракает в 15 минут*, *в полчаса* делает все домашние дела и отправляется на работу; Встретив сопротивление на севере, Спартак *поворачивает* на юг, и *в несколько недель* с трудом *добирается* до Сиракуз; Он *читал* по книге *в день*.

Особого внимания заслуживает употребление этих временных обстоятельств при несовершенном потенциальном. Здесь возможны

и предложный, и беспредложный аккузативы: Он поднимается по лестнице *минуту*; Он поднимается по лестнице *в минуту*. Если первое предложение допускает два осмысления: процессное (до конца лестницы он еще не дошел) и потенциальное (он может подняться по лестнице *за минуту*), то второе предложение имеет только это, потенциальное значение. Таким образом, потенциальное значение несовершенного вида допускает сочетание и с обстоятельством, имеющим значение законченности, и с обстоятельством, не имеющим этого значения.

В качестве предварительного анализа можно предложить объяснение: несовершенный потенциальный включает в себя два семантических элемента: ОН обозначает действие, которое субъект может, умеет выполнить (“законченность”) и обычно выполняет (процессность) [7].

Комментируя пример А. Богуславского, М.Я. Гловинская считает, что в некоторых сопоставлениях глаголы совершенного и несовершенного вида семантически ничем не отличаются друг от друга (например, во фразах: а) Вчера *пришел* в институт... – Вчера *приходил* в институт... б) Всю эту ночь он *занимался*... – Всю эту ночь он *прозанимался*... в) Он *посетил* ее несколько раз – Он *посещал* ее несколько раз...). М.Я. Гловинская подчеркивает, что несмотря на то, что во всех трех случаях фразы с глаголами разного вида имеют один и тот же смысл, значение данных глаголов совершенного и несовершенного вида не одно и то же. Во втором примере в первом предложении “определенный промежуток времени” выражен один раз (обстоятельством времени), а во втором – дважды (и обстоятельством времени, и значением самого глагола “прозанимался”, в его способе действия (пердуративный способ действия). Глаголы в этих фразах полностью сохраняют свои обычные значения, а вот равнозначность фраз объясняется исключительно контекстными условиями. Так же и в других примерах. В предложении: “Он *посещал* ее несколько раз” – значение многократности выражено дважды: обстоятельством и самим глаголом (Он *посещал* ее само по себе может обозначать “несколько раз”). Между тем, как подмечает М.Я. Гло-

винская, предложение “Он *посетил* ее” обозначает одно событие, и равнозначность фраз возможна только тогда, когда значение “несколько раз” при глаголе совершенного вида выражено средствами контекста.

Выступая в контексте и вместе с ним, семантика вида взаимодействует с семантикой темпоративной. Так, как замечает А.В. Бондарко, совершенный вид легко сочетается с обстоятельствами типа *однажды, как-то раз* и другими показателями локализованности действия во времени, но имеет ограниченную сочетаемость со словами типа: часто, обычно, иногда, по временам, порой и т.п., указывающими на *временную локализованность действия*. В обычных условиях в прошедшем времени совершенный вид может выражать лишь единичное, неповторяющееся действие (ср. невозможность: Он часто ошибался; Обычно он пришел домой рано и др.). Совершенный вид у глагольных форм прошедшего времени употребляется при обозначении повторяющихся и обычных действий лишь в тех случаях, когда повторяемость представлена как бы наглядным примером одного из повторяющихся эпизодов. При этом обычно контекстуальное отнесение действия к плану абстрактного настоящего времени (настоящего обычности). Например: Так очень часто бывает с искателями корня, что вот только *увидел* сокровище – и уже нет его: женьшень в один миг превращается в какое-то другое растение (М. Пришвин. Корень женьшеня). (“Такое употребление стилистически и синтаксически ограничено”, – отмечает А.В. Бондарко [8].

Формы настоящего–будущего совершенного вида также могут выступать в контексте повторяемости и обычности лишь в ограниченных условиях. Например, для того, чтобы форма типа *Скажу* сочеталась с обстоятельствами: *часто, обычно* и т.п. – недостаточно минимального контекста, чтобы такое сочетание стало возможным, в частности, необходимо наличие не менее двух соотносительных действий: Он *часто скажет* что-нибудь не подумав, а потом *жалеет*.

Участие категории вида в реализации функции локализованности-нелокализованности действия (ситуации) во времени является возможным, но не обязательным. В одних слу-

чаях замена одного вида другим (если она возможна) влечет за собой изменение актуализационного отношения\* (ср.: Он пришел домой, разделся и лег). – Он приходил домой, разделся и ложился). В других случаях замена вида не влияет на выражение локализованности/нелокализованности действия во времени. Ср.: Я видел, как он *подошел/подходил* к ним – в обоих случаях представлена локализованность во времени (временная локализованность).

В семантике временной локализованности есть элемент аспектуальности, поскольку имеется в виду местоположение события во времени (Данная функция не тождественна с *темпоральностью*. Это вытекает уже из того факта, что рассматриваемое различие может реализоваться в рамках одного и того же времени: *На этот раз/обычно мы возвращались другой дорогой*). Совершенный и несовершенный виды по-разному относятся к признаку временной локализованности. Данный признак играет в системе видов дифференцирующую роль (хотя эта роль и не является постоянной).

---

\* Актуализационные функции выступают в конкретном предложении в том или ином семантическом варианте, который представляет собой результат взаимодействия *грамматической формы (конструкции) и контекста* (курсив наш. – О.Ш.). Мы имеем дело с частными значениями, являющимися результатом семантической интеграции грамматических, а в части случаев и лексических значений взаимодействующих языковых средств. При этом актуализационные функции обычно выступают не изолированно, а в составе семантических комплексов, элементы которых тесно связаны друг с другом. Так, в предложении: Об этом всегда забываешь – взаимодействуют значения: реальности, настоящего времени, обобщенно-личное значение и значение обычности.

Содержание актуализационных функций выражается не только морфологическими средствами, но также и синтаксическими (в том числе интонационно-синтаксическими), лексическими, различными сочетаниями разнородных языковых элементов. Актуализационные функции вместе с теми средствами, которыми они передаются, охватываются более широкими единствами, чем собственно-синтаксические категории, а именно – функционально-семантическими категориями, или функционально-семантическими полями (такими, как модальность, персональность, темпоральность)», – пишет А.В. Бондарко [8].

Несовершенный вид может функционировать при обозначении как единичного (локализованного), так и повторяющегося (нелокализованного во времени) действия.

Ср.: *Однажды я уже говорил* об этом – Я *часто говорил* об этом. В семантическом содержании видов есть такие дифференциальные признаки, которые имеют *отражательный* характер, т.е. отражают определенные свойства реальных действий. Таковы, в частности, признаки *длительности* и *повторяемости* (Однако в системе видов эти признаки, по мнению А.В. Бондарко [8], не являются доминирующими).

И.Г. Милославский подтверждает, что в языке наблюдается некоторая соотносительность между категорией вида и семантикой глагола (способы глагольного действия) [9]. Так, формально не выраженные способы действия глаголов (статальный и многоактный) принадлежат несовершенному виду и не имеют видовых пар. К ним относятся глаголы, обозначающие *постоянное состояние* (спать, радоваться, тосковать), а также обозначающие действие, *разложимое на несколько однородных актов* (мигать, толкать, кричать).

Всегда к *несовершенному виду* принадлежат глаголы формально выраженных способов действия: *многократный*, т.е. обозначающий *неоднократное, множественное повторение* действия и употребляющийся по преимуществу в прошедшем времени: сживал, хаживал. Здесь же глаголы с осложненно-интенсивным способом действия, т.е. обозначающие усиленное действие с оттенком кратности: выплясывать, отстукивать, наяривать. Еще один формально выраженный способ действия – *однократный*, т.е. обозначающий действие, выполненное в один прием: толкнуть, сгруппировать в принципе могут характеризовать глаголы и совершенного, и несовершенного вида.

Глаголы с количественным способом действия выражают количественную характеристику действия, его кратность (*прыгать, чихать*), а также разную степень проявления действия, его неполноту (*прихрамывать, раскашляться, заучиться*). Глагол типа *прихрамывать* обозначает слабую интенсивность действия, а глагол *заучиться* – чрезмерную интенсивность действия [10]. Сложность ана-

лиза количественных способов действия, по мнению Л.Д. Чесноковой, связана с недостаточной разработанностью этой проблемы. Это обуславливает отсутствие четкости в выделении подвидов, их количества (в разных работах встречается разное количество типов). Например, такие глаголы, как *хаживать* считаются многократными, но относятся к временным в учебнике Н.М. Шанского, А.Н. Тихонова [11] и к количественным (категория кратности) в книге ТФГ-87 [12]. В глаголах типа *покашливать* сочетаются значения интенсивности и многократности. В связи с отсутствием четких теоретических оснований классификации способов действия вряд ли возможно добиться в практическом анализе однозначных ответов [10].

Традиционно значение кратности рассматривалось как семантическая характеристика глагола – способ глагольного действия. Как и другие значения глагольного способа действия, итеративность понималась как значение, осложняющее грамматическое значение вида глагола. «Противопоставление видов проявляет себя как в видовых парах, т.е. глаголах с одним и тем же лексическим значением, так и в одновидовых глаголах (глаголах, обладающих только несовершенным или совершенным видом). Категория вида входит в общую функционально-семантическую категорию аспектуальности, которая характеризует способы распределения действия во “внутреннем” времени с точки зрения наличия/отсутствия в проявлении действия временной перспективы. Эти характеристики могут быть различными, но все они объединяются так или иначе указанным общим признаком. Кроме категории вида, в категорию аспектуальности входят ее лексико-грамматические разряды – предельные/непредельные глаголы и их разновидности (способы действия, или аспектуальные разряды), а также смежные или сходные с видом лексические, словообразовательные и синтаксические явления» [13]. Среди частных значений совершенного и несовершенного видов М.А. Шелякин характеризует внутри видовой семантики значения, указывающие повторяемость, единичность, многоактность, суммарность и другие значения количественности действия. Например, среди частных зна-

чений несовершенного вида выделяются глаголы с конкретно-процессным значением, которые на лексическом уровне выступают как глаголы многоактного действия: *Она качала коляску*. Также конативное (от лат. *conatus* – попытка) значение выражает усиленное проявление конкретно-процессного действия, не достигшего желаемого результата, и реализуется обычно в предложениях, обозначающих противительные отношения, включающие противопоставление несовершенного и совершенного видов: *убеждал, убеждал ее, но не убедил*. Среди несовершенного вида частное значение неограниченно-продолжительного действия выражает количественно-неограниченные временные моменты в пределах его той или иной локализации: значение непрерывно-продолжительного действия и неограниченно-кратного проявления действия: а) *река текла, когда ребяташек не было на свете и она будет течь, когда их снова не будет*; б) *мальчик помогал старикам и женщинам, подавал им чемоданы с персиками*. М.А. Шелякин пишет: “Существенным для неограниченно-кратного значения глаголов несовершенного вида является выражение конкретной и узуальной повторяемости: *Масленников с ожесточением бросал гранаты. Обыкновенно вечерами хозяин уезжал куда-то и увозил с собой гуся и кота*” [13]. Среди частных значений совершенного вида также выделяются глаголы с количественной семантикой. Так, суммарное значение указывает на целостность объективно-кратного действия, объединенного общим результатом, целью (сведение к единству через результат или цель): *набегаться до утомления, изголодаться, переломать все стулья; За лето он прочитал много книг*). Характеризуя аспектуальные разряды (способы действия) предельных и непредельных глаголов М.А. Шелякин описывает группы глаголов, имеющих количественную семантику.

Как известно, аспектуальные разряды глаголов – это морфемно охарактеризованные или морфемно неохарактеризованные значения отдельных групп глаголов, выражающие особенности протекания действия во времени предельных и непредельных глаголов. “Так как лексико-семантическая категория предельности – непредельности распределяет всю

лексику на два класса, – указывает М.А. Шелякин, – то и аспектуальные разряды свойственны всей глагольной лексике, независимо от их морфемного обозначения, ср.: один и тот же одноактный и многоактный способы осуществления действия, обозначенные глаголами с суффиксами – НУ-, -А- и без этих суффиксов: мигнуть – бросить, махнуть – трясти” [13]. Аспектуальные разряды определяют аспектуально-грамматические особенности глаголов: их видовую парность, в том числе неравночастотную, или одновидовость, специфику употребления видовых форм, аспектуальную сочетаемость. Аспектуальные разряды глаголов выделяются по признаку указания на особенности осуществления действия с точки зрения их отношения к предельности/непредельности, что и отражается в их наименовании.

В функциональной грамматике при описании аспектуальных разрядов предельных/непредельных глаголов выделяются следующие группы глаголов, имеющих количественную семантику: например, терминативно-локальные глаголы. Их формы несовершенного вида выражают только неограниченно-кратные действия: долетать – долететь, добегать – добежать до чего-либо:

- результативно-процессуальные глаголы, обозначающие развивающиеся действия, направленные на достижение предусмотренного результата, и имеющие парные по виду формы: ловить – поймать, будить – разбудить;
- дистрибутивно-суммарные глаголы (с приставкой пере-) обозначают действия, направленные на постепенный охват результативным действием всего множества объектов или субъектов: перемыть всю посуду, а также с другими приставками: опросить, разобрать, обойти всех;
- результативно-обстоятельственные глаголы, обозначающие действия, направленные на изменение или повторение первичного результата: переиздать, переделать; терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные разряды, например: накупаться, убежаться, догуляться, раскричаться, передержать и т.д.

Среди непредельных глаголов выделены многоактный и итеративный способы действия, как имеющие отношение к количественной семантике: многоактные глаголы обозначают действия, расчлененные на неограниченно-повторяющиеся отдельные акты (тявкать, свистеть, барабанить, вилять, мигать, дрожать, болтать ногами) и итеративные – с суффиксами – ИВА-(-ЫВА-, -ВА-), обозначающие повторяемость действия по отношению к одному моменту времени, что сближает их с многоактными глаголами: а) прерывисто-смягчительный (позванивать, посвистывать), б) процессно-смягчительный (напевать, наигрывать), в) процессно-сопроводительный (приплясывать), г) процессно-длительный (расхаживать, разгуливать), д) осложненно-интенсивный (выплясывать, выщелкивать), е) длительно-взаимный (переписываться, переглядываться) [13].

Глагольная множественность представляет собой гетерогенную категорию, состоящую из двух частных категорий: темпоральной и дистрибутивной множественности (соответственно, ГМ, ТМ, ДМ). Каждая из этих частных категорий представляет собой самостоятельный объект описания, потому что отражает способы квантификации принципиально разных реалий. ТМ – это значение множественности, возникающее за счет повторения действий во времени (например: Он редко ходит в библиотеку). Значение ДМ возникает за счет того, что однотипные действия повторяются разными участниками ситуаций и как бы индивидуализированы (ср.: Все разбрелись по своим комнатам). Внутренняя разнородность категории ГМ определяется двумя параметрами: распределенностью действий во времени и распределенностью действий между участниками ситуации [14].

Итак, область референциальных значений у ГМ неоднородна. По словам А.А. Холодовича, “множество как нечто такое, что противопоставлено единичности, является исключительно многообразным по своему составу, по своей структуре” [15]. Поэтому имеет смысл более подробно остановиться на основных структурных типах множеств и связанных с этим лингвистических номинативных проблем.

**Литература**

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 440.
2. Супрун А.Е. Числительные // ЛЭС. – М., 1990. – С. 584.
3. Виноградов В.А. Число // ЛЭС. – М., 1990. – С. 584.
4. Валгина Н.С. и др. Современный русский язык. – М., 1987. – С. 158.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1986. – С. 134.
6. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и как общая теория грамматики. – Л., 1988. – С. 50.
7. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М., 1982. – С. 47.
8. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – М., 1976. – С. 55.
9. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1991. – С. 171.
10. Чеснокова Л.Д. Русский язык: Трудные случаи морфологического разбора. – М., 1991. – С. 106–107.
11. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Словообразование. Морфология // Современный русский язык. В 3 частях. – Ч. 2, 1987.
12. Теория функциональной грамматики. – Л., 1987.
13. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М., 2001. – С. 89–92.
14. Долинина И.Б. Теоретические аспекты глагольной множественности // Типология итеративных конструкций. – Л., 1989. – С. 174.
15. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – М., 1979. – С. 174.